

45 коп.

В. Шергин

ШИШ МОСКОВСКИЙ

государственное издательство

Б. ШЕРГИН

ШИШ МОСКОВСКИЙ

РИСУНКИ И ОБЛОЖКА
А. САМОХВАЛОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

Д. 31 Гиз № 35918/л
Ленинградский Областлит № 44962
5 л. Тираж 10 000.

Слово шиш в народном языке северно-восточной области, означает — бродяга.

Веселые сказки и анекдоты о бродяге Шише, который обижает богатых и защищает бедных, были распространены в народе с давних времен. Некоторые из них созданы в последние столетия, некоторые в XVII веке, в так называемое «смутное время», когда на Руси было много бродяжных людей — беглых крестьян. Жестокие налоги, жестокая барщина, заставляли крестьян убегать от помещиков, жечь усадьбы.

В сказках и анекдотах о Шише встречаются странные слова, которых в нашем современном языке нет. Наряду с современными понятиями, как например «адресный стол» встречаются такие слова, как «дом стоит на одине'», «чадушко», «беси». Употребление старинных слов рядом с новыми, современными словами объясняется тем, что рассказы о Шише создавались в разные времена.

В Северной области нашего Союза и до сих пор можно услышать от крестьян анекдоты о Шише, о его злых, подчас грубых, шутках и веселых проделках над барами.

ШИШ МОСКОВСКИЙ

П Р И С К А З К А

Цы'нцы-бры'нцы
Балалайка,
Цы'нцы-бры'нцы
Заиграй-ка!
Тень, тень - потете'нь!
Ветер стонет целый день.
Туна-на', туна-на'!
Ходит по морю волна.
Птица-синица
За море летела,
Перо уронила.
Беру перо в руки,
Пишу письмо от скуки.
Синичье перышко скрипит,
Мое сердечушко кипит.
Начинается рассказ,
Люди добрые, для вас.

Дело было против неба на земле, не в покрытой улице. Тут стоял дом, на колу дном, дверями в воду, ниоткуда не было ходу. Домик был красивенький. На первом венце порог, на втором потолок, окна да

двери буравчиком провернуты. Собачка мимо бежит — в окошко глядит. А хозяйка в эту дыру глаз впялит, на улку смотрит. У хозяйки имения было много. Тулуп с борами, да юбка с рукавами.

Чулки новы — нет ни пят, ни носков. Еще у ней шапочка ушиста, пушиста, зачесиста. Спереди не видно бела лица, сзади не видно желтых кудрей. Из посуды было — липовых два котла, да в прошлом годе сгорели до-тла. Был чайник без крышки, без дна, только ручка одна.

С табаком свиной рожок, да для щей деревянный горшок.

Ну, это, ребята, присказки, а дело все впереди.

РОДИЛОСЬ ЧАДУШКО СТАРШЕ БАБУШКИ

Дом был, стоял добрым порядком на гладком месте, как на скатерти. В дому отец жил с сыновьями. Старших и врать не знаю, как звали, а младшего все Шишом ругали. Он еще в зыбочке качался, а уж песнями утешал. Его мать в кружевное одеяльце завернет, шапочку с кисточкой

Родило
ся чаду
иногда
постар.
ше ба-
бушки

наложит, в люди придет, станет дитем хва-
статься, а он как грянет:

Ходи, барыня, смелее,
Музыканту веселее!
Эх, ты'рли,
Буты'рли,
Кара'кульки!

Ему в рот соску... Куда там, давай папи-
роску!

То же и отец, вынесет сына гостям. Те
обступят:

— Мальчик, скажи — тятя!

А мальчик с присвистом:

Я не тяткин сын,
Я не мамкин сын,
Я на елке рос,
Меня ветер снес!

Только гармони парню не хватает, мало
что грудной.

Каши поест, непременно крикнет и ска-
жет:

— Хороша кашка, да мала чашка!

Что-нибудь спроказит, его спросят:

— Это кто разбил?

А Шиш:

— Это уж так и было.

Спросят его:

— Это кто сделал?

А он:

— Это уж давно так!

На Шиша глядя, люди только головой вертят да руками машут.

Время ведь как птица летит, его не остановишь.

Вот Шиш и вырос. Братья — мужики здоровенные, скопидомы, а он все как саврас без узды.

Такой был Шиш: на лбу хохол рыжий, глаза как чашки, один голубой, другой как смородина. Нос кверху. Начнет говорить, — как по дороге поедет. Слово скажет, другое готово. И ловок был — в рот заедет да и поворотится.

НАШ ПОСТРЕЛ ВЕЗДЕ ПОСПЕЛ

Рано Шиш начал шуточки зашучивать.

У них около деревни в лесу барины с бабыней землю купили. Домок построили, садик развели.

До людей жадные и скупые были, а между собой жили в любви и согласии,

всем на удивленье. Оба маленькие, толстые, как пузыри.

По вечерам денежки считали, а днем гуляли, сады свои караулили, чтобы прохожие веточки не сорвали, или травки не истоптали. У деревенских ребят уши не заживали все лето. Старички походя дрались. А уж друг с другом одни нежности да любезности.

Шиш на них давно немилым оком смотрел:
— Ужо, я вам улью щей на ложку!

И случай привелся. Забралась в лес старушонка из дальней деревни за грибами. Ползала, ширилась, да и заблудилась.

И заревела:

— О-о! Теперь волки съедят!

Шиш около шнырял:

— Бабушка, кто тебя?

— У-у! Заблудилась!

— Откуда ты?

— Из Горелова.

— Я выведу. Только мне службу сослужи...

Вывел ее Шиш к барской усадевке:

— Видишь в окне баринок сидит, спит за газетой?

— Ну, не слепая — вижу...

— Ты постучись в окно. Барин нос выставит, ты тяпни по плечи да скажи: «на, барыне оставь».

— Как же это я благородного господина задену? Они меня собаками затравят.

— Они собак не держат, сами на людей лают.

Ну, что делать. Не ночевать в лесу.

Побежала старуха к дому. Стукнула в раму.

— Барин! Отворьте окошко.

Толстяк высунулся, кряхтит: — Кто там?

Старушонка плюнула в ладонь, размахнулась, да как дернет его по плечи.

— На! Барыне оставь!

А сама от усадьбы ходу задала.

Ну, ее Шиш куда надо вывел.

Этот баринок окошко захлопнул, скребет затылок, а барыня уж с перины ссыпалась:

— Тебе что дали?

— Как что дали?!

— Я слышала, сказали—«на, барыне оставь».

— Ничего мне не дали!

— Как это ничего? Давай что получил!
— Плюху я получил.
— Плюшечку? Какую? О чем?
— Вот какую!...
И началась тут драка...
Только перья летят.
Вот, что Шиш натворил.

ДОХОД НЕ ЖИВЕТ БЕЗ ХЛОПОТ

Вот отец остарел. Братья волю взяли. Дом на себя и скот на себя отобрали. Отцу говорят:

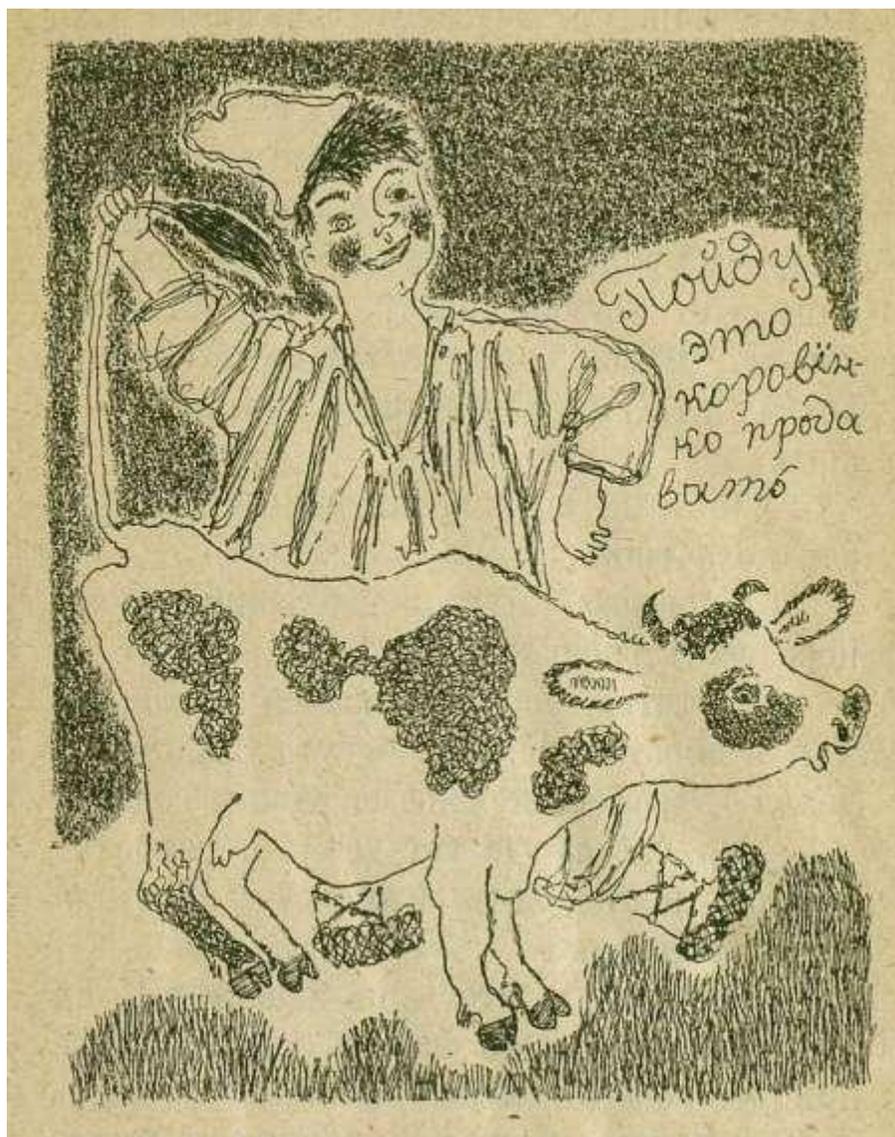
— При твоём худом здоровье, первое дело свежий воздух. Дак ты теперь ночуй в сарае, а день гуляй по миру. Под одним окошечком выпросишь, под другим съешь.

А Шишу дали коровку ростом с кошку, от нее удоя с ложку:

— Вот, братец, и тебе наделок. Люби нас, ходи мимо!

Отец сидит на крыльце, не смеет в избу зайти. У Шиша в сердце как нож повернулся. Он отца в охапку:

— Татенька! давай за одно жнтъ! Есть—пополам и нет—пополам... А

Пойду
это
корових
не прода
вамъ

братцам дорогим я отсмею насмешку, припасу потешку!... Татенька, ты меня жди, а я пойду это коровёнку продавать.

Шиш лесом идет, а дело к вечеру. И гроза собралась. Близко гроыхнуло. На ночь мокнуть не охота. Шиш сунулся в боковую тропиночку, в дебрь, где бы лесину, ель погуще найти. Он в лесу не боится. Шагов сотню ступил — в ельнике дом стоит. Еле доколотился. Старуха открыла.

— О, куда ты, парень, попал! Уваливай пока жив.

— Бабинька, пусти, где коровке хоть перестоять грозу!

— Дитяtko, разбоем хозяева те живут.

А к воротам еще двое бегут. Шиш сразу узнал — два богатея из соседнего села.

— Эй, бабка, где тут дождь переждать?

Что будешь делать. Старуха и спрятала всех в подполье.

— Только уж, чтобы не кашлянуть, нидохнуть, ни слова сказать, как хозяева придут. Убьют и меня с вами.

Под полом Шиш и спрашивает, будто не знает:

— Вы чьи? Куда?

— Со всякими бродягами не разговариваем!

Того разу над головами затопало. Заходили... Разбойники приехали.

Там у них питье пошло, еда, напились пьяны, песню запели: «Не шуми мати дубравушка».

Тут Шиша как шилом подняло:

— Ах люблю! Даже до слез! Запою и я с ними.

Купцы его в охапку:

— С ума тебя скинуло, собаку?! Заткни хайло! Убьют!

— Ох и не осудите меня! Я певец природной. Запою!

— Молодой человек! Не губите! Возьмите деньгами! По десятке дадим.

— А уж по сотне не дадите?

— Подавись сиротским! На!

Шиш деньги убрал в карман, сел в угол. Будто спит.

Не успели купцы кисеты завязать, наверху плясовую грянули:

Ходи хата, ходи хата!
Ходи курица хохлата!

Шиш к купцам.

— Ребятишки! Теперь не вытерплю. Я на то родился, чтобы плясать. Ух!

Пошла плясать,
Дома нечего кусать!
Сухари да корки!
На ногах опорки!
Ух, ух, ух!

Купцы у него на ногах повисли:

— Возьми чем хошь, пожалей не нас, сироток наших! Благодетель, не погуби!

— Дак уж чтобы вам не обидно — еще по сотне с плеши.

Вот у Шиша и четыреста рублей. Да все золотыми.

А наверху-то и учуяли, что под полом неладно. Дрогнули разбойники.

— О, согрешили грешники! Беси в доме завелись. Не будет боле удачи.

Старуха слышит — на ней каждый трепок трясется:

— Я, хозяйева, бесей-то выживать туда человека запустила...

— Какой человек?

Шиш это услышал, он всех смелее, и лезет из подполья.

Разбойники к нему. — Ну что?.. Благополучно ли? Всех ли бесов-то выжил?

Шиш и смекнул.

— Пятерых выжил, двое осталось больших. Те там подпольем ушли, этих надо избой выпускать...

— Молодец! Выведи эту напасть. Отблагодарим тебя.

— Не стоит благодарности. Давайте-ко кудели да огонька. Сами зайдите за печь. Чтобы как полетят, так не задело.

Сам Шиш спустился под пол: — Ну, купцы, я с вас взял по два ста, а разбойники вас найдут — и душу вынут. А за ваши деньги я вас отблагодарю.

Вот Шиш обоих купцов куделей замотал по одежде.

— Как я вас подожду — вы и летите, избой да на улицу.

Чиркнул спичкой. Спорхнула куделя. Взвились купцы по лесенке, да в избу, да в сени, да на улицу. А там после грозы лужа. Они в эту лужу. Даже одежда не затлела. Да скорее в лес, да домой.

А разбойники не скоро в себя пришли.

— О, молодой человек! И не видали мы на веку такого страху... О, коль страшно у бесов огненно то видение! О, погубили мы свои душеньки, уготовали себе вечной огонь...

Шишу некогда тут канителиться:

— Руку даю, что эти черти боле к вам не прилетят, не досадят.

— Тебя как благодарить-то?

— Да вот строиться собрался.

— Держи сотенную. За такую услугу — сто рублей — плевое дело.

А коровку Шиш старухе ихней подарил.

Шиш домой пришел. Деньги на стол. Считать начал.

Сбился, опять снова. Братья около — рот раскрыли — стоят...

— Шиш, откуда таково богатство?..

— А прихожу на рынок, а у меня коровенку из рук рвут. Пять сот за шкуренку дали.

Братья в хлев. От жадности трясутся. Коров кончают, с них шкуры дерут. Запрягли пару коней, да в город с кожами

Стояли, стояли в кожевенном ряду. Кто-то подошел.

— Почем шкура?

— Сто... нет... триста... пятьсот рублей!

Покупатель глаза выпучил, да бегом от них.

Народ собрался, пальцами кажут.

— Глядите-ко, безумные приехали. За коровью шкуру сотни просят...

Вернулись братья домой, да на Шиша с кулаками.

— Обманыва-а-ать?!?!

— Да что с вами? Что?

— Да ведь нас весь рынок дураками почтил!

— Да вы в каком ряду стояли?

— Как — в каком?! В кожевенном!

— А я в галантерейном.

Братья на другой день в галантерейном стояли.

Публика ходит чистая. Барыни братьев ругают, городовые их гонят.

Один кто-то спросил опять:

— Да почем шкура-та?

— А вот третьего дня за маленьку

шкуренку пятьсот давали, дак уж у нас неужели дешевле!

Тут уж их в шею натолкали. До самой заставы с присвистом гоняли.

Ребята кричат, мальчишки:

— Самашеччих везут! Самашеччих везут!

Прикатили братья домой, кони в мыле:

— Подать сюда злодея, всегубителя, разорителя!!

Не успел Шиш увернуться. Бочка во дворе стояла. Шиша в нее заколотили, да с берега в реку и ухнули.

Пронесло бочку с версту, да к берегу и прикачало.

Шиш и слышит, что по берегу кто-то с колокольчиком едет. Шиш и заревел:

— О-о-о! Ни читать, ни писать, ни слова сказать, а в начальники ставят!

А с колокольцом-то ехал отставной губернатор.

Он с тройки да под угор:

— Я знаю читать и писать и слово сказать! Я в начальники годен! Кто здесь?

— Я! В бочке сажу.

Губернатор дно выбил — Шиш вылез:

— В начальники силом ставят, а я бы другому уступил.

— Возьми отступного. Я в начальники горазд.

— А давай меняться. Вы в бочку залезете — в начальники вас направят на мою должность. А я ваших лошадок с кибиточкой себе.

— Согласен. Хлебная ли должность та?

— Обзолотиться можно.

— Заколачивай скорее. Жив-ва!

Забил днище Шиш, да как пнет бочку ту. Ух, она в воду полетела, поплыла.

А Шиш домой на паре подкатил. Братья под кровати лезут.

— У-у-утоплеппчек — не ешь нас!

— Что вы, дикие! Глядите-ко, мне там каких лошадок выдали!

— Где выдали-то?

— Куда меня спихнули, там.

Братья коней гладят. От зависти зубы стучат.

— Шишанушко! У нас вон бочка порозная...

— Ну, порозна, вижу.

— Мы бы в бочку ту... Да в речку... Не откажись. Тоже хоть по конику бы...

— Дак што-ж! Можно. Неужели для братьев единоутробных пожалею?

О, коль тяжело было бочку ту катить. Те еще деньгами пазухи себе набили. Торопят: — Кати круче! Всех хороших-то упустим...

Опять с горы как дунет их Шиш!

Поехали братаны вниз по-матушке по Волге, по широкому раздолью. Выкинуло их в Нижнем у Ярмарки. Они в домашнюю сторону и глядеть перестали.

Шиш с отцом зажил. Он до отца хороший стал, ласковый. Отец его залюбил.

ЭТО ВАМ НЕ МУКА, А ОТ ШИША НАУКА

Раз в деревню приехала проветриться городская компания. Навезли вина, закусок. На лугах траву мнут, рожь на полях топчут. Мужики не знают, что уж и делать. А те лодыри захотели ночевать в лесу. Шиш отправился их посмотреть. Видит, — на полянке толпится человек с дюжину. То повалятся в ряд, то вместе, то врозь..,

Шиш к ним:

— Граждане, о нем беспокойство?

— А тебе, любезный, какое дело?..

Впрочем, вот, мы хотим ночевать на открытом воздухе. Но никто не решается лечь с краю. Ведь здесь, наверно, водятся медведи?!

Шишу смешно:

— Не только медведи, но и львы! Но я вас повалю. Каждый в середке приведется.

— Каким же это образом, любезный?

В сторонке была большая куча-муравейник.

Мураши уж спали. Шиш сюда компанию и собрал:

— Ложитесь все в этот сухонький холмик головами, а ножками врозь. Получитесь все в кругу. Никого не будет с краю. Всяк в середочке.

Господа развалились. Головы в муравейник улепили, а башмачки врозь. Благодарят Шиша:

— Мерси, любезный. Вот тебе на чай, или, там, на водку!..

— Не требуется! Приятного сна!..

И Шиш от них ходу задал. Десятка сажень не отбежал, заревели там господишки лихим матом. На весь лес заругались, завизжали. Мураши-то взяли их в работу!..

А Шишу то и надо. Не задирайте нос перед мужиками. Ставьте себя в рубль, да не кладите нас в грош!

НАЛЕТАЕТ И ТОПОР НА СУК, ДОСТАВАЛОСЬ И ШИШУ НА ОРЕХИ

Однажды шлялся он далеко от дома. Застигла его ночь в чужом месте. И видит—дом стоит на одине'. Пусто кругом. Надо ночевать проситься. Стучит в ворота.

Дядька бороду выставил:

— Кто там?

— Укройте странника от темные ночи.

— А ты загадки отгадывать горазен?

— Что это — загадки? К чему?

— А к тому, что вот загадаю я тебе загадку, и ежели отгадаешь — спи-лежи. А соврешь — дуть тебя буду за промашку.

Шишу, по молодости лет, интересно на этого дядьку с загадками.

Спать оба на полати затянулись.

Вот хозяин свесил бороду с полатей. Л на полу сидит кошка, моется. Хозяин на нее перстом указал.

— Отгадай это что?

— Но, — кошка!

Хозяин р-раз Шиша по шее...

— Не кошка. Это — чи-сто-та!.. А это что в печи догорает?

— Огонь.

Раз — его опять хозяин в ухо.

— Не огонь. Это — светлота!.. А мы на чем лежим?

Шиш уж и сказать боится...

— Пола-ати...

Третья оплеуха прилетела.

— Не полати, — высота!.. А что у меня в ушате у порога?

— Вода...

— Не вода. Это — благодать!

Этак оплеух с десяток наш Шиш насбирал. На веку с уим такого сраму не бывало. Он плакать, — не плачет, а слеза бежит.

«Ладно уж, — Шиш думает, — я тебе загадаю загадку! Покажу, как из невинного человека слезы выжимать!»

Утром хозяин вышел на улицу.

Шиш кошку поймал, ей на хвост привязал соломы, солону поджег. Кошка взлетела на полати, там окутка затлела. Шиш вылетел на крыльцо и кричит хозяину (тот дрова колол):

— Хозя-а-а-ин!.. Твоя та чистота схватила светлоту, занесла на высоту. Неси благодать, а то ничего не видать!

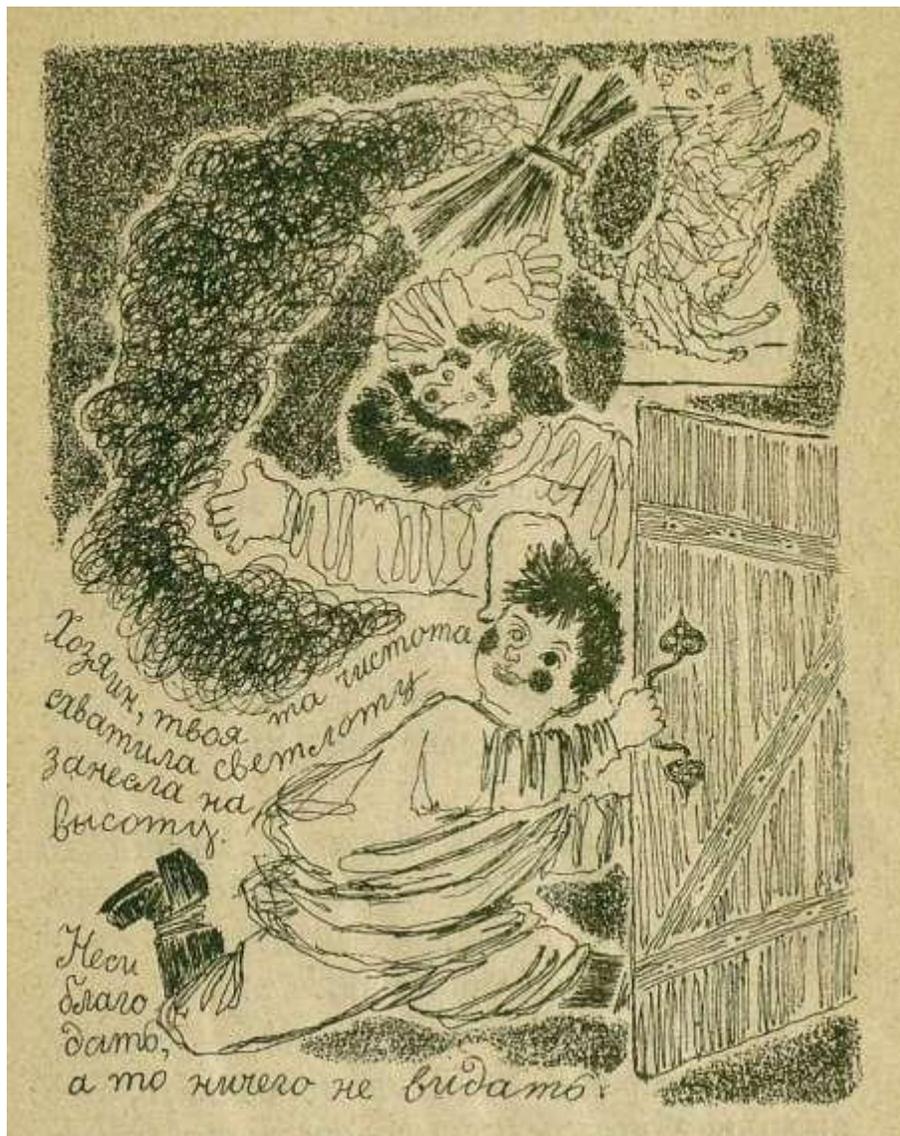
Когда хозяин, лоскуты загасив, опять на улицу вылетел, Шишовы и следы потерялись.

ЗА ШИШОВЫМ ЯЗЫКОМ НЕ ПОСПЕЕШЬ БОСИКОМ

В другой раз к Шишу из-за сказок досада пришла.

Какой-то год осенью навалилось такое безвременье. Дома сидеть не у чего. Пойду, говорит Шиш, по городам, по деревням; сапоги топтать, версты мерять...

Вечером, близ одной деревнюшки усилился дождь. Шиш в одну избу поколотился — не открывают. В другую — не пускают. В третью стукнул:

Лозы, твою чистоту
схватила светлоту
занесла на
высоту.

Неси
благое
добро,
а то ничего не видать.

— Не пустите ли, хозяева, ночь переночевать, хоть в сенях?

Хозяин из-за двери:

— А ты сказки сказывать мастер?

— ...Слышал малость...

— Малость нам ни к чему. А вот ежели до свету сказывать хватит, тогда милости просим.

Шишу некуда податься. Дождь пуще полил. Одежонку хоть выжми.

— Ладно, давай. В избу-ту запустите.

За ужином хозяин потчует Шиша, кланяется, угощает:

— Знаете, молодой человек, я такой родился. Мне и питье, и еда и сонное отдохновение — все даром, на все, извините, плюю. А только бы мне в жизни сказки слушать!

Спать повалились гость и хозяин по лавкам, хозяйка на печи, работник на полу. Хозяин на лавке вертится:

— Ну, теперь начинай!

— Ладно, — говорит Шиш, — только уговор вперед — меня не перебивать. Кто вымолвит хоть единое слово, тому уж и сказывать до свету.

— Согласен! Начинай!

Шишу мертво спать охота, да воля не своя. Подумал и начал:

— Как у вас на селе мужики, поголовно они дураки!.. Как у вас на селе мужики, поголовно они дураки!..

И пошел твердить одно и то же, одно и то же без конца. Хозяину сначала смешно показалось, потом рассердился; под конец расстроился:

— Спасибо на той, другую запой... Невежа ты, невежа!..

Шиш вскочил с лавки:

— Твое дело было слушать да молчать. А перебил, — ты и сказывай!

Хозяина горе берет:

— Тьфу! Навязался ты на мою голову... Ну слушай. Да, чур, не перебивать:

— Дурак будет тот, кто тебя ночевать пустит, а я больше никогда не пущу... Дурак будет тот, кто тебя ночевать пустит, а я больше никогда не пущу...

Раз сто повторил мужик эти речи. Хозяйка на печи заругалась:

— Леший бы вас взял с вашими разговорами! Ночью покою нету!..

Хозяин с лавки да за жену сграбился:

— Ты нашу сказку перебила, теперь тебе и говорить!

Не могла старуха отдуться. Со слезами начала:

— Каков хозяин подлец, такого подлеца и ночлежника пустил... Каков хозяин подлец, такого подлеца и ночлежника пустил...

Твердила, твердила... Работника разбудила.

Тот запоуркивал:

— Завтра же расчет возьму! День работай и ночью спать не дадут!..

Хозяйка на него мухой пала... Не мог работник отвязаться. Заговорил:

— Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу итти... Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу итти...

Еле Шиш до утра дожил. Схватил в охапку кушак да шапку и с той поры в эту деревню ни ногой.

ПОЖИЛА БАРЫНЯ НА СВЕТЕ, ПОСМЕ- ШИЛА ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

Однажды Шиш далеко от дома ушел. Вышел из лесу, а у речки господское имение. Дом белый, ограда железная. На балконе барыня сидит, кофей пьет. А по двору свинья ходит с поросятами. Шиш во двор зашел, стал перед свиньей да и ну ей кланяться, челом бить.

Это барыня с балкона и увидала. И ну кричать: — Машка! Дуняшка! Агашка!

Дуняшка летит: — Чего, барыня изволите?

— Поди узнай. Вон мужик нашей свинье кланяется. Что все это значит?

Горничная к Шишу:

— Молодой человек, барыня приказали у Вас спросить, чего это ты нашей свинье кланяешься?

— А видите ли, барышня, ваша свинья пестра моей жене сестра. У меня жена замуж выходит, дак я вашу свинью на свадьбу зову.

Горничная к барыне:

— Барыня, барыня! Наша та свинья пестра его жене сестра. Его жена замуж выходит, дак он свинью на свадьбу приглашает.

Барыня и кофей на себя пролила:

— Ха-ха-ха-ха-а-а. Ой, скололо! О-о, караул! Вот дурак! Вот чудо гороховое! Ну разве слыхано, чтобы свинью, бессловесную животную, на свадьбу звали?!.. Жалко, барина до вечера не будет, а то бы он посмеялся. Агашка! Машка! Давайте высмеем его, дурака, до конца. Я что надумала... Несите сюда мое модное кружево, полукапоты, плюшеву ротонду, розову уваль, шляпу о двенадцати перьях...

Горничные наворотили гору нарядов.

— Наряжайте эту свинью!

Смотрит Шиш. Нарядили свинью в кружевной капот, закутали в ротонду, наложили шляпу, завесили рыло вуалью. Барыня опять вопит:

— Девки! Несите сюда мои двенадцать чепчиков, нарядите этих поросяточек.

Сказано-сделано. Барыня опять:

— Девки! Ведите сюда баринова коня с каретой!

Коня подвели. Копь — хоть на выставку. Карета под лаком.

— Девки! Посадите свинью с поросятами в карету. Мужик! Садись за кучера. Вези гостью!

У Шиша сердце взыграло. Вожжей шевельнул, только пыль в глаза.

А барыня до того дохохотала, уж ее водой отливали.

— О, дурак, дурак! Ведь теперь над ним стар и мал, встречный и поперечный смеется!

А Шиш — парень юлавый, поворотливый, к вечеру опять у того имения.

А там барин вернулся.

Его жена встречает:

— Ах, Жорж, я сегодня порвалась со смеху. Какой дурак к нам приходил...

Да все под-ряд и рассказала,

У барина рожа по шестую пуговицу вытянулась.

— А наряды, карету, лошадь призовую он вернул???

— Н-н-н-е-ет...

— Так, выходит, не он дурак, а ты дура-то!? Пропала бы ты кверху ногами! Только бы тебе коровам шайки носить, а не в барынях сидеть!!

НА ВЕСЬ МИР И СОЛНЫШКУ НЕ УГРЕТЬ

Опять в другой раз добыл Шиш денег всеми правдами и неправдами и справил обед на нищую братию. Все на пиру напивались, все на честно'м наедались.

На лавках, на полу, в сенях спать ласковый хозяин всех уложил. Сам в чуланчике привалился. Не успели третьи петухи прокричать, будит Шиша старуха из нищих гостей:

— Очнись-ко ти голубеюшко! Убудись!

— Что ты бабушка?

— Ты вот всяких, без разбору, принимаешь, поишь и кормишь, а гости дорогие обокрасть тебя ладят! Ведь на огороде — твои ульи?

— Таткины.

— Двое бродяг страшных, сговорились, — улей с медом, чуть свет, в город

поташат. Деньги на пропой надобны...
Сама слышала, своими ушами.

— Ладно, бабушка. Иди всхрапни еще часиков восемь, а я татку в обиду не дам.

Чтобы никого не беспокоить, вылез Шиш из чулана окном. На огород пробрался да и сел в пустой улей.

Только вздремнул, слышит шаги по траве, ступают двое, пробуют,— который улей потяжелее. Вот взялись за тот, куда Шиш влип.

— У-го-юй! Вот где мед, дак мед!!!
Бери на плечи! Айда в город!

Подняли, потащили.

Шиш поотдувался там четверть часика да и закричал потихоньку:

— Ви-и-жу, вижу-у!

Дядьки дрогнули:

— Никак пас догоняют? Бежим круче!

И Шиш во всю силу:

— А вижу! Ви-и-жу-у-у!

Бродяги рывкнули со страху, брякнули улей на дорогу, да в город без оглядки. Хрен с ним и с медом.

Шиш выбрался из улья, домой поволокся. Идет, отбитые бока трет да смеется.

ДОГАДКА НЕ ХУЖЕ РАЗУМА

Было раз, шел Шиш из города перелеском, а навстречу ему быка ведут. О, велик бычина. Тяжол. От поступи земля дрожала. Охраны около него идет семь человек.

Шишу бык понравился...

— Ребята! Куда с быком-то?

— Царского быка прогуливать изволим.

— Хм! Царского... Как бы это мне о себе царю-то память оставить...

Ну, Шишу долго думать не надо.

Он был обут в новеньких сапожках. Он их снял да сторонкой, леском возле дороги и полетел за быковыми теми. Забежал вперед да и выкинул на дорогу сапог. Сам опять спрятался. Охрана с быком подошла:

— О, ребята, сапог! Да и новенький! Взять бы, да куда один-то, кабы пара!

Подумали... бросили сапог обратно.

— Ах, кабы пара.

Только они отошли вперед, Шиш опять кустами да тропками забежал впе-

ред да другой сапог бросил. Сам в куст сел.

Погонщики издали сапог увидали:

— Не пара ли тому?

Подбежали:

— Пара!.. Ох, зря тот там бросили!

Кричат один перед другим:

— Я вернусь! Нет, я увидал, я вернусь!.. Мои сапоги! Нет,—мои!

Недолго и спорили. Всем табуном полетели обратно за сапогом. Быка-то забыли, тут оставили. Шишу то и надо. Взял за повод да сторонкой тропинкой и задал ходу. Он в лесу как дома. Привел домой — запер в хлев.

Никто не видит.

Царская полиция с ног сбилась, да Шиша разве поймает. Не тот человек.

Шиш быка до осени прокормил, а как дело попризабылось, порешил его с отцом. Сорок пудов говядины досталось. Ползимы прохозя голь перекатная этим быком сыта была. Первое время еще каждому с собой по фунту мяса давали.

— Вали, ребята! Режь да ешь, ломай да другим давай!

ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА

Середка зимы. Шпшово подворье опять хлебом оскудело. Народ бредет голодный, холодный, угостить нечем. С горя отправился Шиш в дальнюю деревню на праздник. Там гулянье, ярмарка, карусели. Шиш у веселья первым бесом. Где он, — там народу табун. Приехал гулянья смотреть барин из ближнего поместья.

— Это что там народ скопился?

— Это — парнишка один публику утешает.

— Не Шиш ли?

— Так точно, — Шиш.

— Позвать сюда! Я, можно сказать, в той надежде и приехал.

Шиша кликнули. Барин развеселился сразу:

— Ну-ка, сшути мне шутку позанятнее!

Шиш перед барином во фрунт:

— Для вас, сударь, от всей души. Только попинаете досада какая, шутки то я все дома забыл...

— Ну уж ты, любезный, постарайся,

устрой как-нибудь. Сбегай, наконец, за твоими шутками.

— Ждать озябнете, сударь... Разве вот что: пока вы на гулянье любуетесь, я могу на вашей лошадке съездить за шутками.

Барии согласился.

Шиш на коня да и полетел, вместо своего дома, к этому барину в именье. Шиш во все пути дорогу знает. Ко крыльцу подкатил, у лакея спрашивает:

— Барыня дома?

— Дома.

— Доложи спешно.

Барыня выплыла из комнат, на парня лорнет навела:

— Что тебе?!

— Ваш супруг у нашей фирмы сена с хреном, да соломы с уксусом на сто рублей купить изволили, и послали меня сюда на своей лошадке за этими деньгами-с.

Барыня ничего не поняла. Подумала: заграничные закуски,—однако, свою лошадь видя, поверила. Отсчитала Шишу сто рублей. Рада:

— Вот уж поедим теперь, подзакусим. Люблю с хреном и чтобы с уксусом!

Шиш к барину на ярмарку не вернулся. Пальнул с деньгами в город, накупил хлеба, рыбы, ситцов, обуви теплой. Опять, значит, Шишова драная компания сыта, обута и одета.

А барин, не дождавшись, домой на извозчике прикатил. Барыня сена с хреном да соломы с уксусом требует, а барин скачет, адреса Шишова добиться не может. Господа не знают, а крестьяне не рассказывают. Когда-некогда дознался. Бросился в Шишову деревню. Навстречу старух с десятков нищих от Шиша.

— Эй, побирушки, который дом Шишов?

Те смекнули, что не с добром гость едет. Послали его по фальшивому адресу не в ту улицу, и две самых ходких старухи круто зашаркали к Шишову дому. Шиш на старух дивит:

— Бабушки, вы что, в перегонки разыгрались? Или медведь за вами гонится?

— Медведь, кормилец, медведь! Да и но твою душу! Барин тебя ищет по деревне!..

А барии легок на помине. Разыскал таки. В ворота стучит. Отца дома не было. Не с кем посоветоваться. Одна старуха говорит:

— Оболокай скорее мой сарафанишко да плат. С подружкой моей как ни в чем не бывало выходи да и в лес. А я глуха прикинусь, больна. Отдуться буду за хозяйку.

Шиш сарафан надернул, платком завязался; котомку за спину; в руки палку, согнулся и заковылял из дому. Старуха за ним кряхтит. Барии их заметил.

— Эй корзо'вки, чьи вы?!

— По миру ходим, благодетель, по миру.

— Есть кто дома?

— Старуха одна хвора, старуха.

— А Шиш где?

— Шиш господину одному первостатейному шутку сшутил негоразду, дак со страху в город Брехов, Вралевоу губернии сбежал.

Барин записал это в книжку и побегал в избу. На лавке старуха лежит, охает.

Барин:

— Чья ты старуха?

— Глуха на оба уха!

— Дома Шиш?

— Не топлено, не угоришь!

— Ты мать Шиша?

— Погода очень хороша!

— Прощай!

— Какой тебе у старухи чай?!

Явно, что старуха глуха и глупа.

Вернулся барин в поместье ни с чем. Карту географическую развернул, три дня и три ночи город Брехов Вралевой губернии искал. Не нашел — отступился от своих денег. И в суд не подал. Не хотел народ смешить.

ШИШ ПОШЕЛ ЧЕРНЫХ КОБЕЛЕЙ НАБЕЛО ПЕРЕМЫВАТЬ

К весне Шиш опять в город засоби-
рался. Город был от них не так далеко.

— Я, татушка, думаю завтра встать пораньше да шагнуть подальше.

— Не знаю, Шиш, что тебе сказать: много ли есть у твоей работы добра, а

худа втрое, впятеро. Сам смекай, где берег, где край.

Вот Шиш по городу похаживает. Пытает себе дела.

Погулял по продольной улице, вышел на поперечную.

И тут царские огороды.

Тогда цари были.

Гряды у царя — конца не видно. Подошел Шиш к воротам — оторваться не может. Семь человек работников боронят на вороном жеребце. Копь как зверь лютый... Каждая жилочка играет. Десять тысяч за такого коня плевое дело.

От умиления у Шиша слезы покатились.

— Эта лошадка будет моя!

Тут у огорода и куры царские рылись, по'рхались в грядках. И коровка его величества паслась. Три ушата молока в день доила. Ешь — не хочу.

В полдня работники обедать ушли и коня увели. (А борону на борозде кинули.) Шиш того и ждал. Он поймал петуха. Петух-то был как собака здоровый. Поймал петуха, ощипал до гола. О, какое

чудо получилось! Как бы человек, а борода красна, гребень и хвост. Ужасно, ужасно! Этого чуда Шиш под борону посадил и сверху еще сеном накрыл. Сам спрятался.

Вернулись работники. Впрягли коня. Поехала борона, а петушина как оттуда выскочит да давай устилать по грядам. Работники сразу-то повалились кверху лаптями.

— О, тошнехонько! Дьявола из-под земли отколупнули!

А потом вскочили, да за дьяволом этим в погоню.

— Поймаем, так первой приз выдадут. И копя забыли. А Шиш того и смотрит. Конька выпряг, потом хвост у него снизу обрезал, да царской корове хвостот в рот и вставил.

А сам на коня, повод в руки, да стрелой из города.

Ни конному, ни крылатому не догнать.

А на огороде около коровы весь царский двор скопился.

Народишко тоже со всего города летит.

— Куда-а, ребята-а?

— На огороды-ы! Царская Пестро'ня жеребца съела-а-а!

На огороде работники рассказывают:

— Сами видали своими глазами. Пришли, а она остатки доедает. С головы начала исть. Покуль мы за облизьяном бегали,— всего схряпала. Только из роту фостик Каргошкин видать.

..Нету боле Ка-рю-шки-и-и... Ы-Ы-Ы!

..У-у, дьявол рогатой!

Только тут ученые оказались профессора.

— Корова не тигра, а млекопитающая, насекомоядная, травоядная тварь.

Эту корову лучами Радина просветили:

— Не едала. В роте не бывало.

А куда же Карюшко девался?..

Народ опросили. Люди показали,— слышали топот конский. А ни коня, ни седока не было возможности разглядеть. Только видели по дороге курева стоит, курева стоит, пыль столбом валит.

— А в котору сторону проскакало?

— А кабыть к лесу.

Лес обшарили — нету. Всяких шляющих нищих, оборванцев опросили. Да разве

лоскутки с заплатами — Шиша выдадут!

А копя Шиш в комнату завел. В подызбицу. Найди-ко поди!

До осени копя искали. Многие уж на то сложились, что на самом деле его корова языком слизнула. Ну, образованные люди не верили.

А царю не столько потери жалко, сколько охота узнать, кто это так ловко украл, что о коне ни слуху, ни духу, ни вестей, ни костей.

Вот и объявили по народу, что пусть этот явится и покажет, куда дел копя. За ловкость выдадут награду.

Отцу не правится эта игра:

— Не ходи, Шиш, из воли да в неволю. Ишь потеху себе выдумали!

— Нет, татушка, не стану дома углы подпирать. Пойду!

ДАЛ ШИШУ ПОТАЧКУ, ДАК И САМ ОТ НЕГО НА КАРАЧКАХ

Явился Шиш перед царя:

— Поклон с хохлом! Челобитье с шишкой!

Такой прохвост сразу понравился, он такой уродился, — все ему рады. Он красным девушкам во сне спится. Румяный, разноглазый, вертлявый.

Царь сразу над ним начал сгогатывать.

— Ты в татку, ли в матку, в кого ты экой?..

На конец разговора царь говорит:

— Это что, с огорода коня увести. Это робенок уведет. А вот есть у меня лошадка за семью дверями, за девятью замками. За посмотри англичане и мериканцы по сту рублей, может, платили! Вот уведи этого — тыщу рублей за успехи!

Шиш осмотрел стойло, где этого копа берегли. Действительно — замки, двери, запоры. Только крыша досчатая и потолок худой. А в стойле конь... Не конь — сокол ясный. Орел. У каждой ноги по сторожу поставлено. При хвосте двое, за повод держат двое. А главный с ключами верхом сидит.

Людей бы на ум, а Шиша сразу на дело. Он вина, от которого ум отходит и язык отнимается, такого вина боченок ку-

пил, да в потёмки к царскому сеновалу и прокрался. Крышу разобрал в два счета, потолок над конем тоже без гвоздей был настлан. В эту дыру Шиш и начал боченок на веревках спускать.

Охрана сграбилась на этот боченок. Думают — громила. А в нос им винным духом крепким. Тут уж некогда разбираться — почему да откуда. Может, думают, — с небеси награда. И хоть на девять человек боченка вина и не так много, а только Шишу и часу ждать не пришлось. Попели малость, повопили да и захрапели. Лежат все девятеро без задних лап.

Который с ключами давно под порогом валялся. Эти ключи Шиш взял, отомкнул девять замков, семь дверей, сам на коня, да пулей из города домой. Видели Шиша — на коне сидит, а не видели поездку богатырскую. Только видели в поле курева стоит, курева стоит, пыль столбом валит, в куreve этого прокурата не видно ведь.

Утром царь сунулся в конюшню. Сидят конюхи на полу, глаза на выпучку.

— Нету коника...

Царь руками хлопнул:

— Проворонили коия, коровы косые!
Чтобы в пять минут у крыльца тропка
стояла! Еду к Шишу.

Конюхи полетели на поскотину. В пять
минут тройка запряжена. Царь кучера в
спину, кучер по коням...

Дунули из города — сторонись, народ
честной! Лес миновали — тут и дом Шиш-
шов.

И сам Шиш на крыльце. Царь к нему:

— У тебя конь?

— А где ему быть-то!

— О, на кого я навернулся. Из тысячи
не найти такого подлеца, как ты!

А Шиш:

— За деньжонками когда зайти?

— За какими?

— А тысяча-та за успех ряжена была.

— Не торопись! У меня дядя все спе-
шил, да и помер... Раззадорил ты меня...
Вот сведи теперь со двора царицу мою,
Маремьяиу. Чисто сработаеть, — приз вы-
дам. Попадешься, — не обрадуешься.

— Нет уж, Ваше Велико, я люблю
жить с радостью.

ПОШЛО ДЕЛО НА ЛАД И ЦАРЬ ЕМУ НЕ РАД

Зимой царь в сенате заседает. Лошадь с кучером у подъезда ждет. Раз, к вечеру, кучер и видит:

Молодец стоит нарядный и глаза на него выкатил...

— Ты что?

— Любуюсь. Очень у вас на облучке местоположение величественное. Мне хоть бы минутку так покрасоваться. За столь сладкое мгновение грешны бы не пожалел.

— А пятишну?

— Держи!

— Ладно. Лезь на мое место. Я пока-месть сбрую оправлю.

Только кучер из саней, Шиш за вожжи, да как гикнет!

Стоит кучер на карачках среди дороги. А лошадка далеко полощет.

Царица сидела дома. От скуки песню пела свою любимую:

Кофеишку грешного
С месяц не пила.
Немножко сварила,
И тот пролила.

Вдруг кто-то под окном коня на всем маху постановил.

Взглянула — конь свой, царский. Послала узнать, в чем дело.

Фрейлины Агашка, Машка и Дашка выскочили на крыльцо:

— Под кого лошадка?

— Амператор послали под свою супругу, чтоб сию секунду к им в сенат. Женские вопросы разбирать.

Царица прокатиться без памяти рада, Машки, Дашки на нее шелков, бархатов накрутили. В сани посадили...

Пошел!

А Шиш царицу не к сенату, а из города, да в свой домок.

Царь вернулся пешком.

Ничего понять не может.

— Царица у себя?

— Как вы за ей конька и саночки послать изволили, оне к вам в сенат и отбыли...

— Я??! Конька?! О-о, беда, беда! Он это! Шиш... О-о, несчастной я детишка родился! Под кем лед трещит, а под нами ломится...

Вельможи царя утешают.

— Ваше Величие, лучше бы вам не слезить своего белого лица, а сыпануть в погоню.

— Неужели у меня, сироты, еще хоть одна коняшка осталась?

— Что вы!?! Хватит!

К Шишову подворью на тройке полетели. Царь всю дорогу стоя ременкой намахивал.

У Шиша в окнах свет. Не заперто. Царь в горницу...

В углу самовар пышет. За самоваром царица и Шиш.

— Маремьяна — ты?

— Я.

— Давно ты тут?

— Не как давно. Всего ише восемнадцатую чашку допиваю. Тебе, с дороги, не налить ли стаканчик?

Царя и горе берет, и смех долит:

— В землю бы я лег да укрылся, а не чай распивать!.. Налей!

После второго самовара царь с царицей песню заревели:

Эх-ы, ветры дули,
Шапку сдули;
Кафтан сняли,
Рукавицы сами спали!

Шиш гостям три самовара выпоил.
Тогда спросил:

— Я опять насчет призов. Когда вы-
дача?

Царю старый долг платить обидно:

— погоди, не торопись. Я тебе долж-
ность придумал. Останешься при мне в
виде шута.

Завтра первостатейного военного гене-
рала за победы чествовать будем. Он с
рожи болван, да ему во всем таган. Дак
ты гостей утешать придешь!

Шиш зубами соскрнпел:

— Я вам нашучу!

ГЛУПОМУ АВДЕЮ НАКОЛОТИЛИ ШЕЮ

На утро во дворце пир. Вино из бочек
льется, пироги из печек летят. Все на
пиру пьяны-веселы.

Фрейлины песни поют, как кошек ре-
жут:

Валяй Матвей,
Не жалея лаптей!
Ходи барыня смелее,
музыканту веселее!

Царица Маремьяна под эти песни среди зала выплясывает.

Его превосходительство-генерал против Шиша. Сидит высоко, плюет далеко. Брюшина раззолочена. Шиш на него немилым оком смотрит. Думает:

— Тебя бы на салотопенный завод.

Генерал пьян был, а Шишов взгляд оприметил. Да как гаркнет:

— А ну, шут гороховый, покажи как ты генералов уважаешь! Распотешь-ка меня!

Шиш и видит — над генералом муха вьется. На лысину села...

Шиш вскочил на ноги, схватил блюдо с киселем, да по мухе как грянет!

Блюдо в крохи, стул под генералом вдребезги, сам генерал под стол улетел... Фрейлины завизжали:

— Убиваю-у-у-т!!!

Шиш на стол, руками машет, всех голосом покрывает:

— Ведь только подумать, какова наглость! Какое бесстыдство! Ничтожная насекомая осмелилась сесть на столь высокопоставленную личность. Я, господа, не мог сдержать свое негодование, свой юношеский пыл. И вот, муха истреблена. Оскорбление смыто.

Царь в затылке скоблит:

— Вот какой оборот... Выходит — его еще благодарить надо за 'юношеский пыл... Ах ты!.. Нет, живого он меня в доски сгоннт!..

ПРИЕХАЛ НАДЗИРАТЕЛЬ НЕ ЗВАН, УЕЗЖАЙ НЕ ДРАН

Выслали Шиша на родину. Да еще надзирателя в очках к нему приставили, следить за поведением.

Попал Шиш из воли да в неволю.

Дома живет, а радость вся потерялась. Наблюдатель ходит за ним по пятам. Другой раз Шиш нарочно его томит, с утра до закатимого окольными дорогами водит да водит. Сам с ног свалится, слезы ручьем, а тот все бы гулял.

— А и господин наблюдатель! И когда тебя извод возьмет!

Вот раз вечер их застал далеко от дома в чужой деревне.

Наблюдатель говорит:

— Иди просись ночевать. Выбирай где почище.

Шиш в первые ворота забежал, хозяина нашел:

— Пустишь двух ночь перележать?

— Тесновато будет. Как на грех проездом из города полицейский чин остановился. Только что закусил да отдыхать лег...

Шиш дальше не слушает:

— И со мной полицейский чин! только такой... дикий,—не дикий, а пол-дика есть. Ты его за стол ужинать не приглашай. Он с ума сойдет. Ну, раз позови, а другой,—оборони бог!

На улице Шиш шепчет телохранителю:

— Только имейте в виду, по первому зову еще не садитесь за стол. Как благородный господин дожидайтесь второго и третьего приглашения.

— Ну, ясно! Учить меня вздумал.

Зашли. В избе ужин накрывают. В углу полицейский нахрапывает. Хозяин Шиша запросто к столу подтолкнул:

— Сядь, закуси.

А к чиновнику опасливо подошел:

— Может, вы бы... С нами откусать не желаете?

Тот только нос скривил.

Ужин к концу.

Шишов наблюдатель сидит, губы окисли, руки отвисли. И хозяину неловко, а больше звать страшится.

Ночью голодный к Шишу:

— Где хочешь жрать добывай!

— Тише! Я видел — хозяйка в печь большой кувшин со сладкой опарой ставила ...

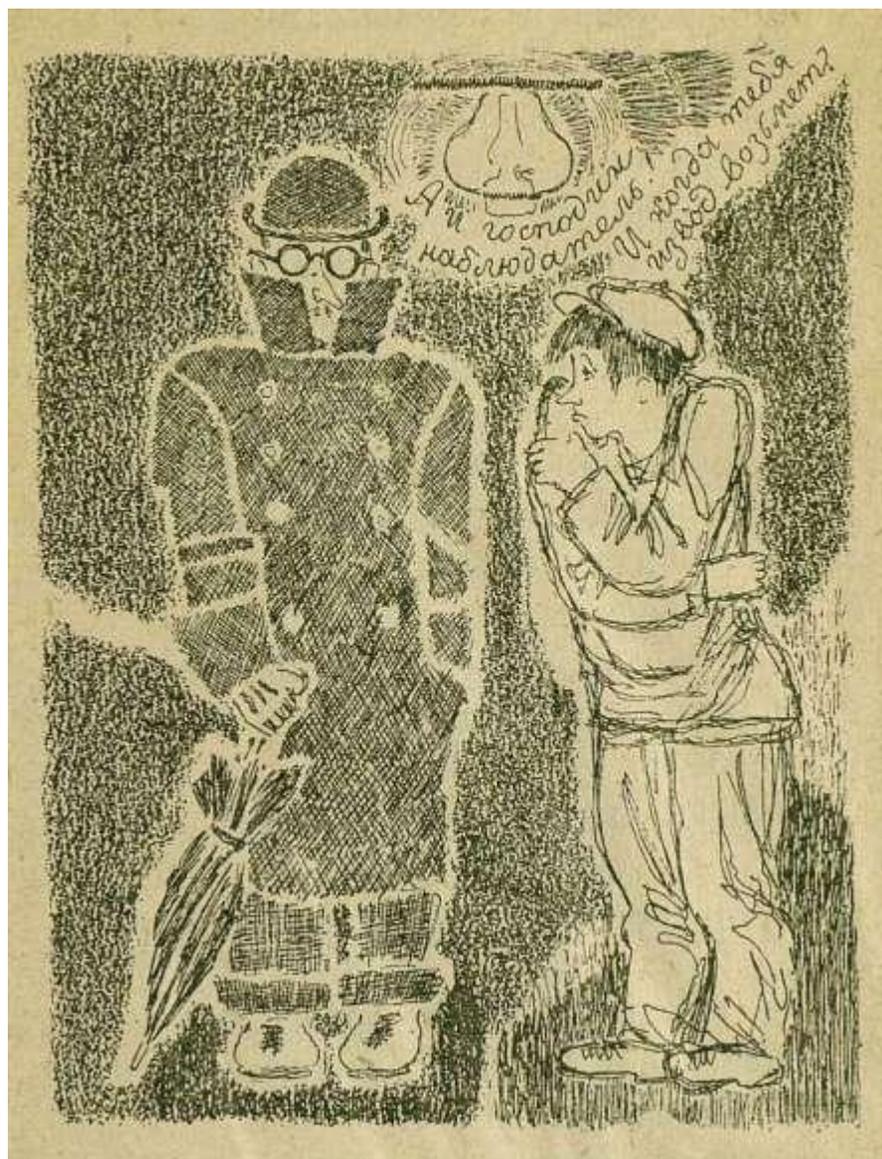
— Тащи!

Шиш выдвинул горячую посудину на шесток.

— Ложку!

— Искать темно. Вы поскорей руками. Сколько есть — все ваше.

Тот протолкнул руки в горлач. А опара без терпения горяча.

И кувшин сел плотно. Не скинуть.

Вот чиновник заскакал по избе...

Шиш к нему:

— Ваше высокородие. Кувшин-то глиняный. Вон в углу медный котелок светит. Хлопни по котелку.

А это плешь полицейская блестит. Проезжающий-то полицейский там спал.

Чиновник со слепу как махнет по лысому-то.

Тот рывкнул, да и пятки вверх.

И чиновник с ног слетел, да из избы клубом. Да на большую дорогу в город.

Шиш вслед:

— Ва-а-ше Высоко!.. Очки потеряли!..

Гори ты и с очками! Так сыплет, пуля не догонит.

Больше его Шиш не видел.

МИСТЕР, ТЫ ЧАЙ УСТАЛ НА МНЕ СИДЯ?

Без охраны веселее жизнь открылась.

Забывать стал Шиш своего телохранителя. Ходит где хочет.

Дождь вымочит, — солнышко высушит, буйны ветры головушку расчешут.

Только вдруг как-то утром прибежали за ним из волости.

Шиш трухнул:

— Не от царя ли?

Оказалось, приехал англичанин изучать простонародные обычаи. Шиш всех удалее, его и отрядили в провожатые. Отправились по деревням. Лошадь напять мистер поспешил. Шиш ему и говорит:

— Извиняюсь, у нас вот какой обычай: ежели двоим по дороге, так ногами не идут, а попеременно везут друг дружку.

— Олл райт! Во-первых вы лошадка. Я буду видеть часы. Я скажу—стоп!

— У нас не по часам. Мы по песням. То-есть, как сядете на меня, так заводите песню, а я рысью по дороге столбовой. Только песню кончите — сами на карачки, я свою запою.

Поехали. Запыхтел Шиш. Пыль поднял. Пассажир песню заревел:

— Руль Британия! Царствуй над водами ...

Пока кончил, у Шиша три пота слило. А увез далеко.

— Теперь вы становитесь в таком направлении.

Толстяк на четвереньки, Шиш верхом, руки в боки:

— Пошел!

Заперебирал мистер йогами, руками.

А Шиш затянул:

Тили-тили,
Тили-тили,
Тили-тили!

Долгонько едут... А Шиш все свое:

Тили-тили,
Тили-тили,
Тили-тили!

Добрый конь еле топает:

— Вы будете иметь окончание однажды?

А всадник:

— У нас, у русских песни задушевные, протяжны...

Тили-тили,
Тили-тили,
Тили-тили!

Потоптался бедный мистер еще четверть часика да и растянулся. И встать не может.

— Ваши тили-тили меня с ног свалили!

Жолокчики,
что это, будто
вы на каторге
выгостились?

А каторга
и есть!

КАКОВУ ЧАШУ СТАРИЧОК ДРУГИМ
НАЛИВАЛ, ТАКОВУ И САМ ВЫПИЛ

Опять, было, зашел Шиш в дальнюю
деревню.

У колодца две молодухи с ведрами стоят.
Бледны, унылы.

— Жаланнушки, что это, будто вы
на каторге выгостились?

— А каторга и есть!

Ласково слово лучше мягкого пирога.
Что на сердце накипело, все молодки
Шишу рассказали.

На жадного свекра жаловались. Еду
под замком держит. Семью голодом замо-
рил. Сам до отвалу наедается...

Шиш говорит:

— Сегодня выпрошусь у него ноче-
вать. Авось помогу.

Пустили Шиша за гривенник. Во время
ужина загляделся на хозяина. Старичок
с кувшин, борода с аршин, у семьи куски,
глотки считает. Потом все — сыты ли, го-
лодны ли — спать повалились.

И слышно в темноте — старик в шкап
по сметану, по масло поехал.

Шиш с лавки:

— Брысь! Брысь, окаянная!

Тишина...

Мало, опять замок брякнул. Зачавкало в темноте, запыхтело.

Шиш на ноги. В избе зги не видно. По пути табуретку ссадил. Подскочил к шкафу и давай ремнем нахаживать.

— О, беда с этими кошками! Будешь пакостить?! Будешь!? Будешь!?

...Только ремень свистит...

Отлились сытому голодные слезки.

Еле старик под кровать увернулся.

Оттуда зашумел:

— Не бей кота-то! Рубаха та топка!

С той поры полно старик семью голодом морить. А невестки с мужьями от радости даже помолодели.

ПРО БАРСКУЮ СОВЕСТЬ МОЖНО СКАЗАТЬ ПОВЕСТЬ

Отец дома говорит:

— Ладно ли это? Ты — молодой парень — старого человека настегал...

— Человека? Этому человеку пришить бы хвост, так настоящий пес.

— Ты, Шиш, про дикого барина слышал?

— Это заводы-то свои?

— Да. Ты бы туда наведалься. Вот это пес! Народ-то у него: упились бедами, опохмеляются слезами.

Других бы на ум, а Шиша на дело.

Хлеба в узелок да на пристань. Лодок много.

— Эй, нет ли кого на заводы?

Нашлись. Привезли Шиша. Место чужое. Барской дом и фабрика на холме. Кругом горе в лохмотьях, беда нагишом — мужики населились.

Шиш в деревню:

— Вы от хозяина кормитесь?

— Сдох бы этот хозяин! Пропал бы кверху ногами...

Шиш В другую:

— Вы почто бедно живете?

— А по то, что у диких бар волчья пасть да глаза ненасытны.

В третьей деревне Шишу мужика показали.

Лежит на досках.

— Ты, дядя, что отдыхаешь?

— Беды да печали с ног скачали. Лес барину на стройку рубил. Не угодил. Высекли сегодня.

— А в суд?

— Чья сильнее, та и правее.

— Не горюй. За собакой палка не пропадет. Вашему барину за все прнсчитается.

Весь Шиш над этими деревнями причтужился. Весь поблек.

Явился в именье:

— Доложите — плотник.

Барин вышел. Глаза на выпучку. Говорит — как сатана отвечает:

— Отправляйся в лес по бревна, ежели плотник. Стой! Я с тобой...

В лес заехали. Шиш подскочит к дереву, руками охватит и слушает. Барин глаза пучит:

— Ты что?

— Проверяю, дельно ли к стройке. Ежели в ухе зазвенит — руби, А нет — бросай.

Барин с коня, пузо к елке прижал, сам кричит Шишу:

— Проваливай теперь! Мне только секрет и надо.

Как коршун Шиш взвился. Отстегнул вожжу да барину руки о дерево и замотал.

А потом чересседельником свистнул...

— Будешь у людей слезы выжимать?! Будешь?!. Вот тебе! Вот тебе! Мироед! Весь мир переел!

Попал гвоздь под молот... Голосу-то господского как хватило... На версту слышно.

Заслышав людей, Шиш отступился.

На утро узнал — на горе дворню секут за барскую обиду. Шишу это очень не в снос.

Он привязал рыжую бороду и к барину:

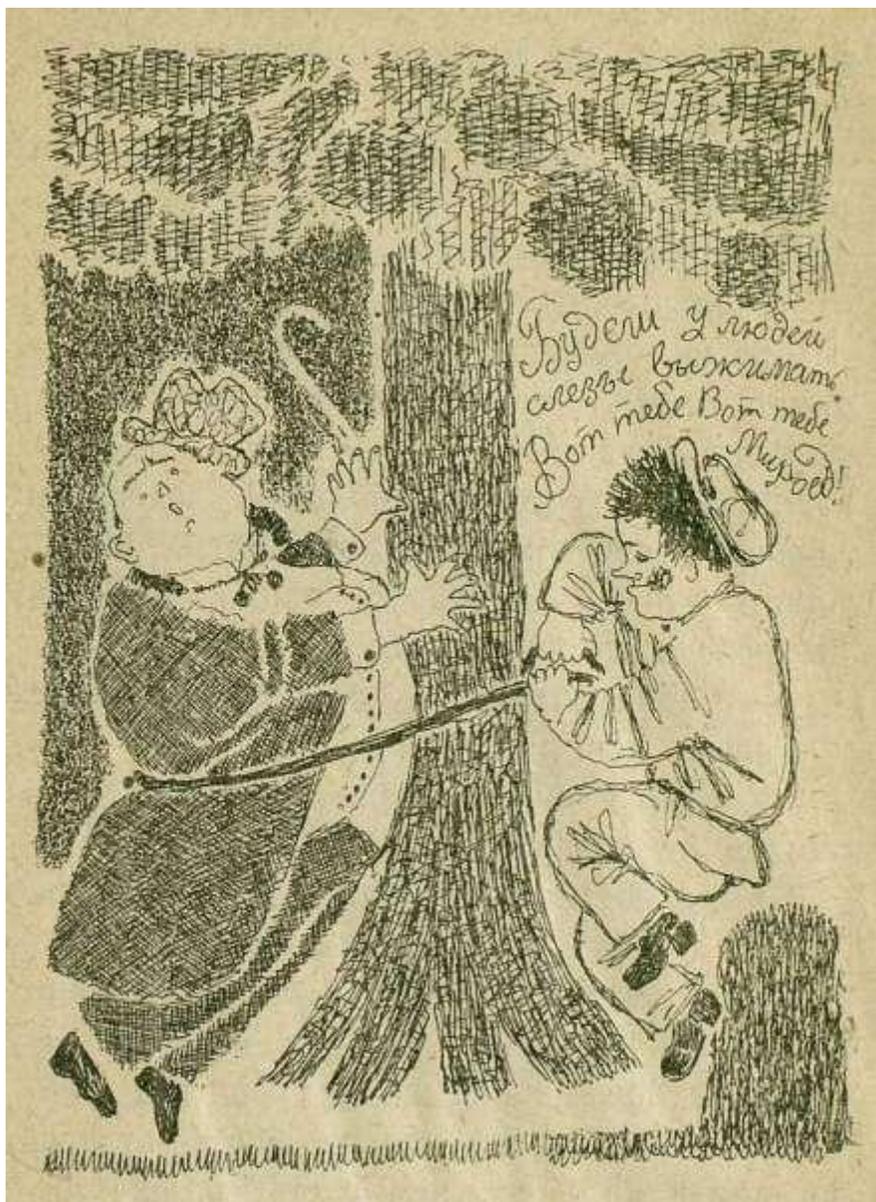
— Честь имею, я лекарь, из-под Каменного моста аптекарь.

— Такого и надо. Ступай за мной в баню.

Шиш говорит дворне:

— Ежели его высокородие подадут голосок, не беспокойтесь. Лечение не шутка.

— А хоть весь заревись! Не обеспокоимся.

Будем у людей
селесе выжигать
Вои меде Вои меде
Мугод!

В бане привязал Шиш барина к лавке полотенцем. Да ивовым прутьем и хватил во все хвосты.

О, бедово дело. Кадык не велик, а реву много.

Дворня под окошком, так порвалась:

— Эка пасть! Кабы ей пропасть!

Это за чужую обиду Шиш сделался такой злой. Через него отлились волку коровьи слезы.

Народ радуется господской беде. По деревням как праздник открылся. Узнал барин — его такое сердце взяло, что сам бы себе язык перекусил.

— Солдат выпишу — всех перестреляю!

Созвал дворню:

— Стар и мал, — марш на поиски! Без злодея не возвращаться! Запорю!

Народ из поместья как ветром выдуло.

Кто в лес, кто в поле...

Шиш безлюдью и рад. Преспокойно зашел в барский кабинет. Устроил барина на шелковых диванах да так угостил в третий раз, что заклился тот всели клятвами, что не будет больше народ обижать.

Пора Шишу домой.

Видит — старуха старая ребенка нянчит.

«Дай спрошу, ладно ли затворил»...

— Баба, слышали барина-то как к ногтю прижали?

— Как не слышать?! Послал Бог благодетеля!

— Так не жалко барина?

— Я бы его проволокой настегала! Окольно он трудового имения схватил!..

— Может, лучше бы речами убедить?

— Глупый ты! Доброе слово не уймёт злого!

КТО СМЕЛ, ТОТ И СЪЕЛ, КТО ПРОВОРЕН,
ТОТ ДОВОЛЕН

У Шиша пословица:

— Кто богат, тот нам не брат.

Горько стало барам от Шиша.

Не сладко и ему от них. В город жалоб наподавали.

Зимой отправился полковник со стражниками Шиша брать.

Теперь Шиш мало дома сидит.

В лесок уходит.

Как-то разложил он костерок у дороги. Поставил котел уху варить. Рыба с собой была.

И только ухе закипеть — в лесу люди загорланили.

Шиш смекнул — кто. Костер снегом загреб. Котел сверху сугроба. В одну руку ложку, в другую ломоть хлеба...

Начальство налетело:

— Ты Шиш?!

— Он.

А те глаза выкатили. В снегу котел стоит, из котла пар клубом.

— На чем skipело?!

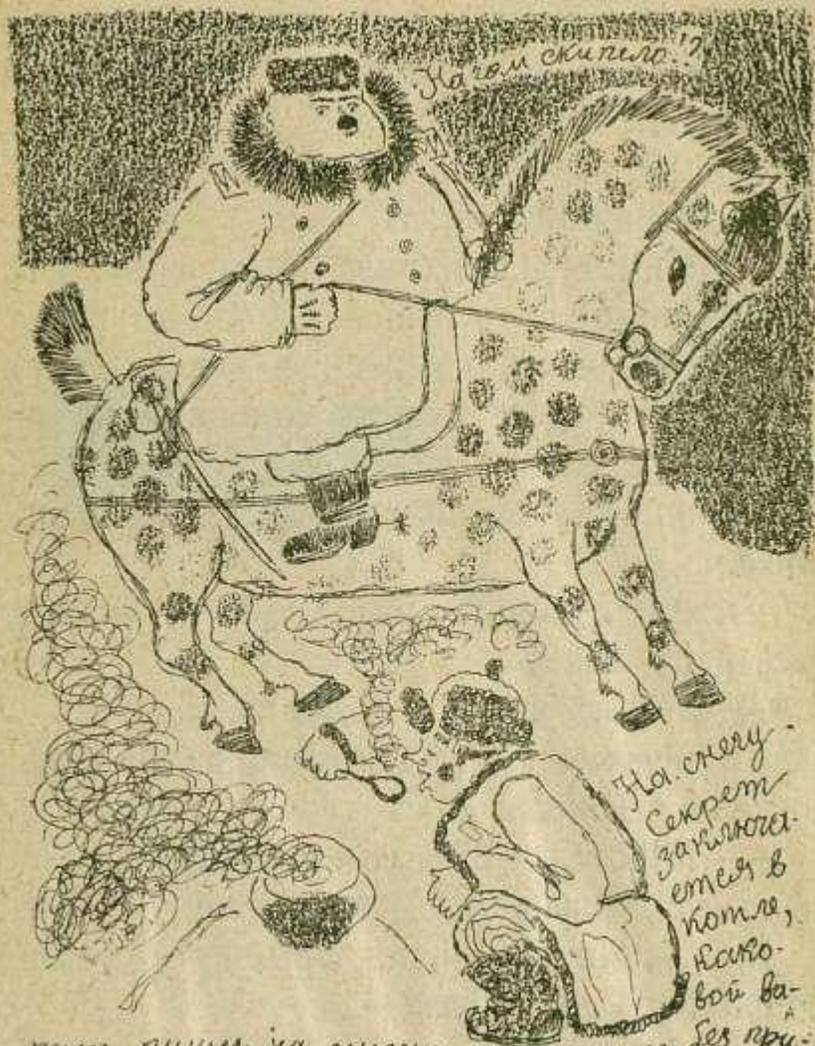
— На снегу. Секрет заключается в котле, каковой варит пищу на снегу или на земле без применения огненной стихии...

Полковник ухи хлебнул:

— Какой прогресс и агрикультура!.. При дворе бы показать... Вот что, этот котел будет мой. За это оставлю тебя на свободе.

Шиш не спорит. Только бы проваливали скорей.

Не терпится и полковнику волшебным котлом похвастаться.

На выжило!

На снегу
Секрет
закрывает
есть в
Котле,
Како-
вой ва-

рат пищу на снегу или на земле без при-
лепая огненной стихии.

Тот же вечер по городу приглашения разослал. На утро к нему полон двор гостей скопилось.

Среди двора куча снегу. Котел принесли. Все кругом стали. Царь да царица в первых, в руках ложки держат большие.

Полковник гаркнул:

— Минуту внимания! Перед вами куча снега и котел с рыбой. Доливаю котел водой, закрываю крышкой и... через пять минут вы будете кушать кипящую стерляжью уху!

Царица Маремьяна ложку сухую облизала:

— Ох, луковку забыла взять. Уж так к сердцу поем!

Ждут пять минут... Ждут пятнадцать... Люди мерзнут, топчутся. Царица Маремьяна не стерпела:

— Нахоте'ла я больше ждать! Закопела вся. Извод с ей и с ухой!

Полковник подскочил, крышку с котла сдернул. А там... лед.

... Кто хохочет, кто ругается. Маремьяна-государыня больше всех пасть дерет.

Полковник на коня да в деревню к

Шишову дому. А в доме ни души и на дверях замок.

Погоня к соседям:

— Где Шиша искать?

— Да ведь он больше в городе проживает.

В городе искали, искали — не могли найти.

В первом адресном столе справились:

— Такой-то, Шиш Московский значится?

— Значится. Угол Сливочной и Колбасной, а дому номер красный.

— Тьфу!

Пошли во второй адресный стол:

— Шиш Московский прописан?

— Прописан. Гостиница Эрмитаж, второй этаж, форточка номер первый.

Шишов разум всех перешиб!

Всех Шишовых дел в неделю не пересказать.

Про него говорить — голова заболит.

Про Шиша теперь уж и собаки лают.

К О Н Е Ц

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	СТР.
Предисловие	3
Присказка	7
Родилось чадушко старше бабушки	8
Наш пострел везде поспел	11
Доход не живет без хлопот	14
Это вам не мука, а от Шиша наука	24
Налетает и топор на сук, доставалось и Шишу на орехи.....	26
За Шишовым языком не поспеешь босиком.	28
Пожила барыня на свете, посмешила добрых людей.	33
На весь мир и солнышку не угреть	36
Догадка не хуже разума	38
Голь на выдумки хитра	41
Шиш пошел черных кобелей набело пере- мывать.	48
Дал Шишу потачку, дак и сам от него на карачках	49
Пошло дело на лад, и царь ему не рад	53
Глупому Авдею наколотили шею.	56
Приехал надзиратель не зван, уезжай не дран.	60
Мистер, ты чай устал на мне сидя?	64
Какову чашу старичок другим наливал, та- кову и сам выпил.	68
Про барскую совесть можно сказать повесть.	69
Кто смел, тот и съел, кто проворен, тот до- волен.	75

100 =

